

Плохие правила хорошего тона

Евгения Лантайн

С одной стороны, демонстрировать всему белому свету, как ты умеешь закипать от гнева и беситься, выбрав сценой для действия чайную - такая себе идея. На шаткий трояк, да ещё и с минусом. Потому что в подобных заведениях кипятка хватает и без посторонних плевков. Но, с другой стороны, клапанам души не прикажешь. Прикажешь, точнее, но это же адовая работа, подразумевающая, что Евгения одновременно внимательно и прислушивается к самой себе, и приглядывается к окружающей обстановке, пытаюсь понять, что в данной ситуации может сработать триггером-переключателем. Для такого труда настрой нужен - настрой же у Лантайн не было, сосредоточиться на самоанализе перехлестывающая через край стремительная ярость не позволяла.

За столик, который заняла девушка, легко могли поместиться четверо, а то и шестеро человек - Евгения же всё это горизонтальное пространство захлмила в гордом одиночестве. Разложила на столе добытые по пути в Пекин и из Пекина карты, брошюры, путеводители и теперь по ним пыталась построить дальнейший маршрут так, чтобы он с достаточно большой вероятностью вёл именно туда, куда его просят, а не в соседнее болото.

Путеводители темнили и пели нескладно. Брошюры томно вздыхали, пытались всячески нагнать то мистики, то магической романтики и открыто противоречили друг другу, разве что за волосы товаров не таскали. Когда же Лантайн взялась за карты, то диагноз самой себе поставила весьма быстро: хроническое неумение ориентироваться по карте и цветущий топографический кретинизм. С таким букетом лучше вообще дальше магазина за углом не ходить, и уж тем более - нечего по горам восточным шляться. На поиски своего текущего местонахождения Лантайн убила столько времени, что когда наконец вспомнила о приткнувшейся под локтем чашке, напиток в той не просто остыл - из него можно было вылавливать самые натуральные айсберги. В довершение картины маслом, обводя на карте наконец отыскиваемую чайную, Евгения в сердцах надавила на карандаш с таким усердием, что грифель, не выдержав жестокого обращения, жалобно хрупнул и сломался.

- Да чтоб ты, блин, закололся! - злобно пожелала Лантайн, смахивая с карты обломок грифеля и рискуя виртуозным тычком локтя следом отправить на пол и чашку тоже. Получивший травму карандаш Евгения шваркнула на стол, плюхнула к себе на колени сумку и принялась в ней рыться, ища что-нибудь, чем можно было бы вправить карандашу поломанный грифель. Ну, или альтернативную писчую принадлежность, как вариант, желательно - менее ранимую.

Тео Чун

В чайные посередине Пекина Тео обычно заезжал только в крайних случаях. Либо когда нужно было забрать расходы на стирку салфеток, либо чтобы купить сигареты, при этом многие владельцы чайных поменьше делали значительную скидку на такие приятные мелочи. Польщенный такой известностью Тео задерживался ровно настолько, чтобы выпить с хозяином чашечку превосходного улун, который тот вытаскивал из своих закромов для дорогого гостя. В Лхасе в чайные Тео приходил только чтобы скоротать время до автобуса, идущего в деревню, из которой уже можно дойти до монастыря. Но время терпит, чтобы, не срываясь с места, с

удовольствием наблюдать за миловидной блондиночкой, рассеявшейся с видом королевы за соседним столиком.

Все в ней выдавало туриста. Причем туриста неопытного, непуганного и впервые оказавшегося в Китае. Обилие карт и путеводителей на английском языке только доказывало, что без всего это ценного добра она вряд ли дойдет даже до соседней улицы, и при этом не заблудится. А уж как она гневно изливала свою злость на ни в чем не повинный карандаш, который не выдержал такого напора и хрустнул грифелем в ее слабых руках, - ну чудо, как хороша. Негласное пекинское правило - туристов обижать нехорошо, потому что они лаоваи, а, значит, братья наши меньшие. Логика сего убеждения была настолько же непререкаемой и твердой, как сам Кайлас. У Тео же был интерес совершенно в другой плоскости. О своем обещании не связываться с блондинками, что приносят, словно черные кошки, одни только неприятности, младший из близнецов благополучно решил не вспоминать. Тем более когда тут такое творится.

Он попросил у девушки за стойкой регистратора-кассира неиспользуемую ей ручку, обычную такую шариковую ручку, которая должна была играть роль трубки мира в этой ситуации, и, снявшись со своего места, приземлился на соседний от блондинки стул. Чайную чашку, угрожавшую упасть на пол, переставил на единственный свободный пятачок стола где-то между многочисленных бумаг, во избежание того, что этот чай окажется у него на джинсах. А то плавали, знаем.

- Небольшой презент от заведения, - он преподнес девушке ту самую ручку. Ну, неплохое начало знакомства.

Евгения Лантайн

В сумке ничего, хотя бы отдалённо похожего на запасную письменную принадлежность, упорно не обнаруживалось. И точилка, если и присутствовала в одном из кармашков, тоже своего присутствия не светила и попадаться Евгении под руку никак не желала. Лантайн с тоской подумала, что на такие случаи было бы великолепно таскать с собой нож, даже рискуя сойти за террористку или за маньяка - и, распотрошив косметичку, выдернула оттуда подводку для глаз, постановила: тогда вот эта вещь сегодня будет и.о. карандаша. За неимением альтернатив.

- Всё, блин, позапутают! Понасочиняют легенд дебильных, а турист потом жри эту мистику без соли! Чтоб им, блин, повылазило всем, блин! - раздраженно прорычала Лантайн, расписывая подводку на уголке путеводителя. И на внезапно возникшую у неё в поле зрения шариковую ручку отреагировала нервно, не спеша бросаться на шею благородному спасителю: - Ну чего надо? Чем хочу, тем и пишу, хоть кровью младенцев! Вот сейчас пропишу эту ручку в глазу у кого-то!

И только после своей гневной речи Евгения с вызовом вскинула взгляд, непростительно опоздав за языком, как с ней частенько бывало во время приступов быстрой ярости. Тут же выяснилось, что в угрозах, тем более в таком хамском тоне, вообще нужды (что предсказуемо) не было. Хуже того - это девушку, кажется, с чистой душой спасти молодой человек примчался. А спасённая только рычит в ответ, как собака Баскервилей.

Привычки краснеть за слова, которые намолотил её торопливо-яростный язык, Лантайн не имела - так стыдливого румянца не напасёшься. Но при этом понимать, что сотворила агрессивную и никому не нужную чушь, вполне умела. Сейчас как раз

именно такой случай и выходил, по всем параметрам. Лантайн виновато охнула, приткнула подставку между страниц путеводителя и, неуловимым щелчком тумблера перетекая в амплуа хорошей, милой, вежливой девочки, покаялась, выставив перед собой ладони в извиняющемся жесте: - Прости. Я совсем не имела в виду, что собираюсь этой ручкой тебя заколоть. Откровенно говоря, я совсем не тебе хотела нахамить. Прости ещё раз.

Тео Чун

Вот это поворот. Такого резкого выпада в ответ на его более чем миловидное и джентльменское предложение простой шариковой ручки Тео не ожидал. Он же не переспать ей предложил, не спрашивая ее имени, в конце-то концов, чтобы она грозила эту ручку воткнуть ему в глаз. Но, как Тео много раз печально убеждался, постичь саму суть загадочной женской души, а вместе с душой еще и содержимое светлых голов, ему в жизни явно было не суждено. Ни в этой, ни в какой либо из последующих, сколько бы перерождений ему не было отведено .

- Лихо, - отозвался Тео, выслушав извинения, все же последовавшие за крутым набором угроз превратить его голову в декоративную подставку для канцелярии. - И мне бы было любопытно посмотреть, как бы ты это сделала. Но раз это относится непосредственно к моей голове, то я, пожалуй, поумерю своё любопытство.

После разбитой о голову бутылки с алкоголем, а также приобретенной титановой пластины на часть черепа (и эти два события были не связаны друг с другом), Тео мог бы с лёгкостью пробивать головой стены, с каждым разом убеждаясь, что нет ничего крепче человеческого лба. Но рисковать глазами он не любил ещё с того момента, когда ему рассадили бровь камнем из рогатки, а он по малости лет подумал, что глаз у него и вытек. И хорошо, что ошибся. Ныне он хотя бы мог похвастаться полным комплектом конечностей и всего остального, жизненно ему необходимого, пусть периодически и поступали попытки ему оттяпать что-нибудь такое.

- И кто же изначально был объектом твоей ненависти, прекрасная валькирия? - с обаятельной и добродушной улыбкой поинтересовался младший, все еще протягивая девушке ручку, как будто в том была его наивысшая цель - спасти деву (хотя, скорее всех окружающих от девы) в экстренной для нее ситуации. Ну был Тео немного рыцарем где-то в глубине души, чо уж там.

Евгения Лантайн

- Мне бы тоже было любопытно посмотреть, как бы я это сделала, - честно призналась Евгения, но вдаваться в подробности не стала. Хотя могла бы рассказать, что язык далеко не всегда выписывает именно те подходящие ситуации угрозы, которые хрупкая девушка может осуществить. В частности, вот сейчас - с тем, чтобы вбить шариковую ручку в глазницу рослому молодому человеку, Лантайн бы явно не справилась. И язык в данном случае оказался не только врагом, но ещё и предателем.

Начинать знакомство Евгения вообще предпочитала с любого другого состояния души. Но надёжного способа просигналить людям, что к блондинке, которая бесится, лучше близко не подходить, пока не изобрела. Даже если на лоб наклеить табличку "Взрывоопасно" - всё равно найдётся кто-нибудь, кто подойдет и

поинтересуется, что за прикол и зачем девушке такой необычный головной убор.

- Объектом ненависти? Ситуация, - отозвалась Лантайн, чувствуя, что такое объяснение звучит глупо и по-детски, но не умея объяснить лучше. Дурацкая ситуация, когда всё не складывается, всё идёт наперекосяк, и даже некому за это по лбу дать, кроме самой себя - но и ты ведь тоже стараешься вроде как, усилия прикладываешь, распутываешь эту ситуацию... а она вместо того чтобы выпрямиться - винтом. Так что когда срываешься, в кого кружками швыряться ни начни - всё выйдет не по адресу.

И это, конечно, бесит только сильнее.

- Спасибо, - кивнула Евгения, вытягивая всё ещё протянутую к ней ручку из пальцев юноши. Нарисовала наконец на карте шаткий крестик поверх истеричных карандашных следов - и, стремясь увести разговор от того, кого ещё и за что Лантайн желает поколотить, поспешно спросила: - Скажи, как тебя зовут, бесценный мой спаситель?

Тео Чун

Ситуация, действительно, складывалась интересная - Тео опустил взгляд на карточное переплетение улиц и домов Лхасы - среди всего этого помеченная чернильным крестиком чайная выглядела даже жалко. Лхаса, по сравнению с Пекином, была городом небольшим. Даже маленьким. Но, тем не менее, для неискушенного туриста даже она становилась неразрешимой загадкой, и можно было легко затеряться в лабиринте улиц и узких проулков. Тео же в больших городах чувствовал себя словно рыба в воде, все это обилие местных и туристов, уличных лавочек, рынков, клубов и торговых центров. Местный колорит и неизбежные предпосылки урбанизации, причудливо переплетающиеся и продолжающие друг друга, складывающиеся веками, забытые и вновь возвращенные к жизни традиции, истории и городские тайны.

- Тео, - представился он, не став добавлять, что можно на "Эй, ты!" и он в принципе не обидится. Он где-то читал, что самое приятное для человека, это произношение его собственного имени. А может и не читал вовсе, а кто-то ему сказал, но факт для Тео оставался фактом - свое имя он любил, и как его произносят посторонние - тоже любил. Вообще любил, когда его любили. - Оставим фамилии для более официального случая. А как мне тебя называть?

- Кстати, эта карта лежит вверх ногами, - он кивком указал на ту, что лежала перед девушкой. Нет, все-таки правильно говорят, что невозможно узнать город по одному только путеводителю. Вот если найти человека, который совершенно точно изнутри знает все эти местные достопримечательности, то увидеть можно гораздо больше. Тео без ложной скромности, которой у него отродясь не было, считал себя хорошей альтернативой бумажному путеводителю, купленному в киоске на улице. Хотя, конечно, не собирался так уж откровенно себя нахваливать.

Евгения Лантайн

Лантайн и прикидываться всезнайкой не собиралась - с картами девушка дружила из рук вон плохо, и вообще на местности ориентировалась паршиво. Определённые районы родного города, конечно, знала хорошо, но и то достигалось не за счёт по сиделок в обнимку с атласом, а путём долгих и упорных упражнений. Десять раз заблудишься - а на одиннадцатый запомнишь, что если опять ломануться в

переулочек по левую руку, то вылетишь напрямик в непроходимые дебри Хучитана и там надёжно зазимуешь. В чужих же городах возможности и времени наматывать такие упорные круги между трёх домов не было. Обычно, оказавшись в незнакомом городе, Лантайн торопливо искала, на кого бы, знающего местность, можно опереться и честно признаться, какая она бабочка бестолковая. Лхаса же в течение внушительно долгого времени не то что проходных - вообще никаких вариантов, позволявших бы и здесь обставить дело сходным образом, не предлагала. А когда Евгения уже смирилась и всеми четырьмя вцепилась в карту, намереваясь сдохнуть, но нужные ей сведения из макулатуры выжать - город взял и расщедрился на собеседника, у которого можно было попытаться всё выпросить, не вступая в кровопролитные бои.

Ну не подлость ли, блин, а?

- Евгения, - представилась в ответ Лантайн. И на короткую секундочку пожалела, что у её имени вроде как нет сокращения, которое звучало бы так же легко и ловко, как имя её нового знакомого. "Евгения" - кажется, звучит чересчур монолитным для того, чтобы быть лёгким.

Но это всё равно абсолютно не повод своё имя не любить и желать переименоваться при первом же удобном случае. Лантайн таких глупостей в голове не носит - на этом чердаке и без такого забористого скорпиона тараканов хватает.

В то, что карта лежит вверх ногами, Евгения поверила сразу и безоговорочно - розыгрыш это или нет, неважно, всё равно провести проверку и установить истину у девушки никакой возможности не было. Лантайн покорно опустила вдохновенно занесенную было над бумагой ручку и растерянно уставилась на карту - чувствуя себя так, как будто в голове вдруг включили свет, и таракан, который в мозгу согласился отвечать за географию и ориентирование, вместо того, чтобы спрятаться под холодильник, взвалил этот самый холодильник к себе на спину и ломанулся вон из кухни с криком "раз вы так со мной, то я от вас даже уйду!". В голове при одном только взгляде на карту стала образовываться невесомая, чуть слышно звенящая пустота. Девушка честно призналась: - Не думаю, что если я её сейчас переверну, это мне хоть как-нибудь поможет. Не поможет вообще. Но это богоугодное заведение я хоть правильно нашла? - и Евгения взглянула на Тео с надеждой. Пожалуйста, мол, скажи, что я хотя бы не в край безнадежна, это весьма и весьма заметно поднимет боевой дух бойца.

Тео Чун

Евгения. Запомним. Не будь Тео только наполовину азиатом, он бы в жизни не выговорил сложное европейское имя. А так небеса миловали, подарили ему вторую англоязычную половину, для которой подобные лингвистические выкрутасы не представляли особых затруднений. Да и потом, когда всю жизнь живешь в монастыре, где процент местного населения неумолимо близится к минимальному, привыкаешь быть в обществе европейцев с их странной культурой и сложными именами. Хотя все равно поначалу трудно выговаривать непонятные и незнакомые имена.

- Я все-таки думаю, что поможет. Немного, но поможет, - возразил Тео и, не спрашивая разрешения, крутанул карту, положив ее перед девушкой в правильном положении. - Начало ведь уже положено, чайную ты нашла правильно, - он ободряюще улыбнулся. Блондинки, да и вообще девушки - существа забавные. Сначала они грозятся выколоть тебе глаз шариковой ручкой, а потом смотрят

доверительно и с надеждой, потому что вдруг выясняется, что они совершенно не ориентируются в незнакомом городе. Знал он одну такую блондинку. Но не будем о ней, ибо это чревато опасными последствиями.

- Осталось только понять, что именно ты хочешь найти в итоге, - начал он, собирая все ненужные больше путеводители и брошюры в одну большую стопку на краю стола, чтобы освободить место для себя любимого и своих локтей. Раз бесполезно в них что-то искать, то нечего им занимать весь столик. - Надолго в наши края?

В случае с женщинами количество чемоданов никогда не может быть достоверным показателем длительности ее путешествия. Потому что кому-то хватает маленькой женской сумочки с кредиткой внутри на месяц в чужой стране, а кому-то и трех чемоданов на неделю бывает маловато. Так что легче спросить прямо, чем ломать себе голову, на сколько Евгения планирует задержаться в стране светлого будущего, то бишь Китае.

Евгения Лантайн

Ага. Чайная, стало быть, на месте. Приятно знать - но, пожалуй, и только. От того, что Тео лихо и решительно развернул карту, едва не ликвидировав этим широким жестом со стола несколько шатко за столешницу державшийся вещей, в голове у Евгении особенно ничего не прояснилось. Напротив - кое-как угнездившиеся было в голове улочки совершили кульбит и перепутались друг с другом окончательно. Лантайн наклонилась над картой и, пока Тео разбирал на столе завал из тотально бесполезных, как выяснилось, путеводителей, сверлила многострадальное типографское изделие пристальным взглядом, пытаясь привыкнуть к вставшей на голову и сверкающей в воздухе пятками системе координат. Привыкнуть получалось плохо. Вот только что эта цифирка, обозначающая привлекательную и полезную для туристов достопримечательность была справа, а теперь она уже светит почему-то у левого локтя, и, в принципе, понятно, каким именно ветром её туда занесло, но от этого ни разу не легче.

Грустно быть топографической кретинкой, господа. Ну просто словами не выразить как печально.

- Для начала - мне нужна автобусная остановка. Но сильно подозреваю, что их в этом городе целый дохрениллиад, а мне подходит одна-единственная, - пробормотала Евгения. Невидящим взглядом скользнула по стопке путеводителей, в каком-то из которых (или даже в парочке) содержалось на эту остановку призрачное указание, а потом решила попытать счастья, обратившись с вопросом напрямую к своему явно более мудрому в плане местной географии собеседнику: - Вот та, с которой идёт автобус до деревни такой, километров тридцать-сорок до неё, что ли? а оттуда пешком шагом ещё до горного монастыря часа два. Есть же здесь что-то подобное?

Объяснила, ага. Лантайн вообще серьёзно опасалась, что по такому описанию Тео ей сейчас предложит с десятков вариантов на выбор - и перебирай, красавица, пока окончательно не окосеешь. Потому что в нежной юности географию хотя бы пытаться учить надо было, а не буй пинать, как вот некоторые бестолковые блондинки, не будем тыкать пальцем.

Тео Чун

Тео вот подозревал, что помимо их монастыря на Тибере еще куева хуча прочих

монастырей, горных и не очень. Это если брать во внимание те, что были довольно крупными, и о них знали все, кому не лень и куда уже протоптали народную тропу. Европейцы почему-то очень любят посещать такие вот места, фоткаться на их фоне, а потом выкладывать в инстаграммы, чтобы все друзья и знакомые увидели и погрызли на себе локти от досады. Есть еще и такие, до которых ноги сломаешь три раза, пока дойдешь. Но вышеозначенные приметы вели, насколько Тео мог судить, только к одному единственному и весьма конкретному монастырю. Оставалось еще только громко сказать его название и можно прокладывать туристический маршрут, выложенный желтым кирпичом.

- А, есть такая. Только не автобусная остановка, а целый автовокзал. А там и деревня, которой на карте, кстати, нет, и монастырь, которого тоже нет, и всякие другие занятные горы и пещеры. Это вот здесь, - и уверенно на карте ткнул пальцем точку в паре кварталов от того места, которое Евгения пометила как нынешнюю чайную. Точка эта находилась ближе к окраине города, и ныне скрылась почти полностью под подушечкой пальца Тео. Чтобы, значит, наверняка можно было такую жирную точищу заметить и запомнить.

- А деревня вот тут, - второй рукой Тео нашел на карте значительно ниже Лхасы прямо посередине некоего коричневого обозначения "Тибетское плато" еще одну точку, которой вообще в принципе на карте не было. Но Те-то знал, что деревня там точно есть. Географию он в школе, хоть и прокурил, но все же топографической слабостью не страдал и весьма хорошо ориентировался в любых незнакомых и малознакомых местах. Тыкать пальцев в монастырь, даже на карте, Тео не стал. Ну было это, как-то, кощунственно, что ли.
